

Уроки «закона тайги»

В понимании большинства читателей «закон тайги» – это нечто противоположное нормам общепринятого права и хозяйственным практикам, применяемым в «цивилизованном мире» – там, где жизнь регулируется нормами законодательства. При этом для самой «тайги» – тех колоссальных пространств, на которых проживают многие народы, населяющие нашу страну, характерны впечатляющие различия природной среды и особенности тех хозяйственных практик, которые там возникали и возникают в настоящее время.

Наши авторы (см. статью А.Н. Буфетовой, Е.А. Коломак, А.А. Хржановской) справедливо отмечают, что «нормы и правила вырастают из истории, традиций и культуры, определяя разнообразие в институциональной среде» (к этому перечню следует добавить пространство и связанные с ним формы и способы ведения хозяйственной деятельности).

Как представляется, история изучения и применения данных особенностей прошла непростой путь эволюции – как в России в целом, так и на обширных территориях земель «за камнем» (или «Большой Сибири» – от Урала до Тихого океана).

Поначалу основное внимание уделялось знакомству с нормами и правилами, определяющими хозяйственный уклад, который застали на данных территориях пришлые люди (в основном промысловики – охотники за «мягкой рухлядью» – мехами). Через столетие на смену им пришли исследователи – участники многочисленных экспедиций (П.С. Паллас, Д.Г. Мессершмидт, А.Ф. Миддендорф, Г.Н. Потанин, В.Г. Богораз-Тан и многие другие), которые стремились изучить и описать хозяйственные практики автохтонного населения. Скорее всего, их неявная цель состояла в том, чтобы найти пути встраивания местных хозяйственных практик в новые для этого населения экономические и политические условия, не ломая эти практики, основанные на многовековых традициях. Отчасти такой подход был обусловлен слабостью государственной власти на местах.

На следующем этапе, с 1930-х годов, шла ломка норм и правил ведения традиционной хозяйственной деятельности на обширной «таежной» территории России. Эти практики встраивались в доминирующую экономическую систему через коллективизацию и участие государства (от совхозов до различных предприятий местной промышленности).

Этот этап продолжается и по настоящее время, что подтверждают статьи в данном номере «ЭКО». Только на протяжении почти всего XX века акцент

делался на поддержке и развитии форм коллективного хозяйствования, а в XXI столетии основные усилия направлены на поиск форм «сосуществования» традиционных форм хозяйствования с рыночной экономикой (от территорий приоритетного природопользования до «корпоративной социальной ответственности»).

К числу важнейших уроков «закона тайги» можно отнести следующие:

- «тайга» далеко не однородна, что необходимо учитывать при анализе, оценке и, тем более, экономическом регулировании и управлении;
- наличие значительной нетоварной составляющей в хозяйственной деятельности: немало работ, услуг и продуктов создается для внутреннего потребления или для обмена (subsistence есопоту – натуральное хозяйство);
- соединение «экономики тайги» с рыночными хозяйственными практиками в «чистом виде» является, скорее, исключением, чем правилом; возникают и развиваются уникальные гибридные формы, которые весьма трудно анализировать и оценивать в рамках общепринятых подходов.

Неоднородность «тайги» в 1920-е годы с позиций влияния на формы и особенности хозяйствования проявлялась, в частности, следующим образом.

«Разноплеменный состав сибирского населения, явившийся, как мы видели в результате длительных процессов ее колонизации, распределился по территории Сибири в зависимости от времени прихода сюда и от хозяйственного уклада жизни, который был основным для той или другой сибирской народности.

Так, палеазиаты, самые ранние обитатели Сибири и носители промысловой хозяйственной деятельности, откочевали на самый север. Туда же впоследствии отошли народности тунгусские, самоедские, угро-финские, частично тюркские – засельники второго периода, в основе хозяйственной деятельности которых лежит также промысел.

Скотоводы-кочевники – тюркские и монгольские племена – обосновались в местах, наиболее удобных для этого рода занятий – на юге Сибири, в степных и нагорных пространствах Забайкалья, Присаянья, Алтайских гор и Киргизских степей.

Наконец, русские и другие индоевропейцы третьего периода заселения – носители земледельческой культуры, заняли Серединную Сибирь, наиболее отвечающую потребностям земледельческого хозяйства».

К числу во многом уникальных гибридных форм хозяйствования в условиях «тайги», несомненно, относятся «отгонное» коневодство (Республика Саха – Якутия) и «рыночное» оленеводство (прежде всего,

Ямало-Ненецкий АО). Суть «отгонного» коневодства состоит в том, что жители городских населенных пунктов Якутии (прежде всего, Якутска) покупают только что родившихся жеребят и передают за плату на откорм в стадо на содержание фермерам или частным предпринимателям. Как правило, прибавка жеребенка в весе за определенный период, а также рост цен на мясо служат гарантией надежности инвестирования денежных средств. По истечении определенного срока «инвестор» может получить или деликатесное мясо для собственного потребления, или с выгодой продать его на рынке. При этом емкость рынка ограничена, с одной стороны, наличием пастбищ (устойчивость коневодства в Якутии поразительна!), а с другой – емкостью рынка (спрос на конину определяется специфичностью продукта, который потребляется исключительно на локальном рынке).

Практика «рыночно-ориентированного» оленеводства – пример противоположного рода. Разрушение устойчивых норм и правил хозяйствования (от общин к колхозам и совхозам, а затем от них – к стихии рынка), а также расширение спроса (не столько на оленину, сколько на панты оленьих рогов со стороны Китая) в сочетании с патерналистской «поддержкой» крупных компаний-недропользователей привели к значительному росту поголовья оленей. Результат – резкий спад продуктивности пастбищ и подрыв основ традиционного хозяйствования и образа жизни коренного населения.

Вопрос о роли и месте форм традиционного хозяйствования в современной экономике невозможно решить без учета широкого спектра общих норм и правил, лежащих в основе современного общества (прежде всего системы гуманистических ценностей). Именно поэтому необходимо «максимально возможное сближение нормативной базы, учитывающей интересы коренных народов, и практики правоприменения законов в отношении их реальной защиты» (статья Е.А. Ерохиной). Только при выполнении этого условия можно говорить о развитии форм традиционного хозяйствования как основы сохранения идентичности народов «тайги».

Велика роль в движении по этому пути доминантной этнокультуры (статья Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева) и народа – ее носителя. На пространствах Азиатской России доминирующее положение на протяжении длительного времени занимают русские, что и определяет в целом современную этническую картину (статья М.А. Семенова).

В то же время не следует преувеличивать роль традиционных форм хозяйствования в современной экономике – они занимают определенные ниши и являются важным подспорьем в повышении устойчивости и адаптационной приспособляемости экономик «таежных пространств».

Реальная жизнь трудно поддается однозначной оценке и стандартным процедурам анализа. Так, например, повышение однородности (от этнической до религиозной и профессиональной) приводит не только к забвению «законов тайги», но и к «погружению в болото». Жизнь в «тайге» немислима вне переплетения опыта и навыков разных народов и культур, в то время как «болото» – синоним топтания на месте.

Современные знания, умения и навыки являются предпосылкой экономического развития, в то время как консервация сложившихся этносоциальных «норм» ведет к стагнации и, в конечном счете, к отставанию (статья И.С. Тарбастаевой).

Экономика России находится пока в начале пути формирования нового «закона тайги» – норм, правил и процедур, задающих равноправное взаимодействие различных форм хозяйствования на ее обширных пространствах. О необходимости скорейшего формирования подобного закона (точнее, свода норм, правил и процедур) говорит и то, что расточительное хозяйствование (прежде всего, по отношению к окружающей природе) ставит под угрозу не только экономику, но и само существование современной цивилизации.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.